

УДК 159.9:[316.6:004.738.5]-053.6

О.С. Черкасенко

*аспірант каф. соціальной і сямейнай псіхалогіі Інстытута псіхалогіі
Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка
e-mail: Olga.25041989@yandex.ru*

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЫ

Повсеместная вовлеченность подростков в социальные сети при отсутствии у них соответствующих навыков этики общения актуализируют проблему кибербуллинга. Проводится теоретический анализ различных подходов к пониманию кибербуллинга и его компонентов. Дано авторское определение этого феномена. Обсуждаются результаты эмпирического исследования распространенности кибербуллинга и личностных особенностей подростков-участников. Полученные данные могут быть полезны при разработке превентивной программы, направленной на предупреждение феномена кибербуллинга.

Введение

Современный подросток, родившийся на рубеже XXI в., получил у ученых обозначение «поколение Z». Зачастую термин «поколение Z» рассматривается в качестве синонима термина «цифровой человек». Стремительное развитие информационных технологий привело к тому, что компьютер стал играть особую роль в жизни современных подростков. Ученые отмечают, что современный подросток имеет больший опыт свободного ориентирования в интернет-пространстве, чем предыдущее поколение. С одной стороны, пребывание в Сети позволяет повысить творческий потенциал пользователя; с другой стороны, Интернет заменяет подростку реальный мир, деформирует межличностное взаимодействие и общение. Так, если для подростков XX в. общение посредством интернет-пространства является надстройкой над уже приобретенными навыками общения в реальности, то подростки XXI в. усваивают и реальное, и виртуальное общение практически одновременно.

Территориальная удаленность, несимультанность контакта, потеря значения невербальных средств общения, искаженная возможность передачи эмоционального состояния партнера по общению, анонимность, снижающая уровень ответственности, отсутствие коммуникативных преград способствуют трансформации процесса коммуникации среди современных подростков и создают возможность проявления деструктивного и агрессивного поведения в интернет-пространстве. Особенно ярко данная тенденция проявляется в социальных сетях. Кибербуллинг является одним из феноменов деструктивного и агрессивного поведения в интернет-пространстве.

Сущность и специфика феномена кибербуллинга

Термин кибербуллинг был введен в научный оборот канадским педагогом Биллом Белси, определяющим его как использование информационных и коммуникационных технологий для поддержки намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей [1, с. 176].

В настоящее время отсутствует единый подход к определению феномена кибербуллинга, что обусловлено такими факторами, как многоаспектность данного явления

Научный руководитель – Л.А. Пергаменик, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и семейной психологии Института психологии Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

и разнообразие «площадок», на которых может происходить онлайн-травля. Кроме того, что изучение кибербуллинга – совершенно новая область в психологии с неустоявшейся терминологической системой.

Анализ зарубежных научных источников позволяет утверждать, что большинство исследователей под кибербуллингом понимают агрессивное, умышленное действие, осуществляемое одним человеком или группой людей с использованием информационных коммуникационных технологий в отношении того, кто не может легко защитить себя [2, с. 378].

Таким образом, исходя из представленных выше дефиниций кибербуллинга, мы можем сделать вывод о том, что ключевыми компонентами при определении данного психологического явления выступали следующие: «время воздействия», «важность умения постоять за себя» и «способы нанесения психологического вреда». Однако, исходя из последнего компонента, кибербуллинг можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле под кибербуллингом понимают включение любого опыта с любым типом преследования, которое может происходить в интернет-пространстве. В узком смысле при определении кибербуллинга акцент делается только на конкретные виды вреда, такие как унижение или угроза физической расправы, без привлечения других форм, например, оскорбления и ненормативной лексики.

Компонент «время воздействия» является основным при определении кибербуллинга [3, с. 146], поскольку некоторые исследователи рассматривают кибербуллинг как любое однократное действие. Таким образом, игнорируется повторяющийся аспект, который является существенным для определения изучаемого феномена. Так, жертва может участвовать только в одном акте кибербуллинга, однако может многократно просматривать в онлайн-режиме психотравмирующий материал. Данный факт свидетельствует о необходимости учета повторных актов издевательства. Однако, рассмотрев и проанализировав все известные и описанные в научной литературе дефиниции и формы кибербуллинга, мы задаем вопрос: будет ли ребенок, подвергшийся один раз хэппи-слэпинг (видеосъемка драки и выкладывание видеоролика в интернет-пространство), испытывать то же эмоциональное состояние, что и ребенок подвергшийся другим формам кибербуллинга десятки раз? Идентичны ли будут эмоции и переживания при разных формах: секстинге (например, размещение фотографии в полуобнаженном виде), харасменте (повторяющиеся оскорбительные сообщения) несколько раз [4, с. 47].

Компонент «умение постоять за себя» также является весьма важным при определении кибербуллинга, поскольку при любом подобном акте наблюдается дисбаланс сил между агрессором и жертвой, что в итоге приводит к возникновению последствий, изменяющих состояние психологического здоровья жертвы [5, с. 126].

Таким образом, логика рассуждений приводит нас к следующему выводу: в дефиниции кибербуллинга необходимы уточнения, а также учет такого компонента как «тяжесть последствий». В связи с этим мы предлагаем следующую дефиницию кибербуллинга. Кибербуллинг – это агрессивное поведение, включающее в себя использование ненормативной лексики, угрозы, запугивание, любые виды как психологического, так и сексуального насилия, осуществляемые отдельными лицами или группами, направленные против жертвы. При этом используются информационно-коммуникационные технологии, приводящие к возникновению дистресса у жертвы.

Анализ работ Ф. Стикка, М.Л. Ибарры и К. Д. Митчелл позволяет выделить две специфические особенности кибербуллинга. Одной из главных является анонимность совершения преступления, которое может быть выполнено перед большой аудиторией и в то же время позволяет агрессору оставаться неизвестным [6, с. 741; 7, с. 4]. По мнению Д. Снейкенборга, анонимность является важнейшим элементом запугивания, который может иметь пагубные последствия для потерпевшего и поощрять чувство тормо-

жения для агрессора, так как существует вероятность того, что агрессор уйдет от наказания. С указанными мнениями согласуется позиция К.Л. Мейсон: интернет-пространство создает иллюзию анонимности и увеличивает дистанцию между агрессором и жертвой [1, с. 179].

Таким образом, пространственная удаленность от жертвы облегчает проявление жестокости. Поскольку проявление агрессии на расстоянии не позволяет увидеть мимику, реакцию и поведение жертвы, то и не вызывает чувства сопереживания у агрессора. Жертва также не может видеть преследователя, представлять выражения его лица, интерпретировать его интонации, что затрудняет для нее считывание смысла, вложенного в послание преследователя. В процессе осуществления кибербуллинга жертва начинает фантазировать о силе агрессора, и как следствие, понимает, что беспомощна и уязвима. Такая ситуация неопределенности усиливает тревогу.

К еще одной специфической особенности кибербуллинга относят большое пространство для совершения кибербуллинга. Согласно Д.В. Григгу, Ф. Стикку и С. Перрен, для кибербуллинга нет пределов, границ или даже нехватки времени, так что пользователь может стать жертвой в любое время и в любом месте [3, с. 145; 6, с. 744].

Таким образом, ученые делают акцент на универсальности кибербуллинга, поскольку он может осуществляться круглосуточно, лишен территориальности и привязан лишь к информационно-коммуникационным технологиям. В связи со всем вышеизложенным видится актуальным изучение данного явления в подростковой среде.

Участники кибербуллинга

Во всех актах кибербуллинга имеют большое значение ролевые позиции участников агрессивной коммуникации. Во многих научных зарубежных исследованиях преобладает рассмотрение двух ролей в кибербуллинге: агрессор и жертва. Стоит отметить, что Ю. Барлинська предполагает рассматривать роль наблюдателя [8, с. 117]. Таким образом, можно отметить тот факт, что все три роли: агрессор, жертва, наблюдатель – очень редко становятся предметом системного рассмотрения.

Н.Ю. Федунина выделяет два основных направления в исследовании виктимизации: выявление факторов риска и описание влияния кибербуллинга на жертву [8, с. 117]. К основным факторам риска она относит социально-демографические, психологические, семейные и школьные. А.С. Зинцова предполагает, что подросток, ставший жертвой кибербуллинга, сталкивается с большим количеством последствий психологического, педагогического, физиологического (медицинского) и социального характера [9]. К последствиям кибербуллинга психологического характера относят следующие: снижение самооценки подростка, потеря уверенности в себе [10, с. 342; 11, с. 687]; нарушение психического развития, психические расстройства, психоэмоциональная нестабильность, постоянное чувство тревоги, страх, развитие паранойи, мысли о суициде [12, с. 9]. В педагогическом плане кибербуллинг влияет на следующие компоненты развития подростка: снижение успеваемости, нежелание посещать школу, прогулы, низкая учебная активность [13, с. 380]. К физиологическим (медицинским) последствиям относят депрессии, стрессы, частые жалобы на головные боли [14, с. 448], боли в области сердца, тошноту, быструю утомляемость, бессонницу, ухудшение памяти и внимания, дефекты речи и нервные тики, плохой аппетит. Сигналами социальной подавленности подростков могут выступать: скрытность, нежелание идти на контакт с родителями и друзьями, потеря коммуникативных навыков, дезадаптация, дезинтеграция, девиантное поведение [9]. В ситуации кибербуллинга нет возможности сохранить хорошие взаимоотношения с каким-либо кругом общения. Ребенок становится неуспешным, обрываются все связи со сверстниками [15, с. 38].

Таким образом, авторы делают акцент на том, что последствия кибербуллинга влияют на все уровни функционирования и жизнедеятельности подростка. Кибербуллинг может привести к непоправимым последствиям – суициду.

Р.М. Ковальски, С.П. Лимбер, П.У. Агатстон и многие другие ученые считают, что жертвами кибербуллинга, как правило, становятся те же дети, которых преследуют вживую: по разным причинам более уязвимые и менее уверенные в себе, часто имеющие какие-то отличия во внешнем виде, происхождении, поведении, состоянии здоровья по сравнению со сверстниками [16, с. 70; 17, с. 221; 18, с. 19].

Изучая роль агрессора в кибербуллинге, стоит рассмотреть выделенные П. Аффаб четыре категории подростков, выступающих в роли агрессора в акте кибербуллинга. В основу своей классификации она положила два параметра: мотивацию к кибербуллингу и стиль его осуществления. Таким образом, были выделены следующие категории подростков: «ангел мести» ощущает себя правым, часто мстит за то, что сам оказался жертвой буллинга в школе; «жаждущий власти» похож на традиционного преследователя со школьного двора, хочет контроля, власти и авторитета, однако может быть меньше и слабее сверстников либо может вымещать свою злость и беспомощность, оказавшись в состоянии уязвимости, например, при разводе или болезни родителей; «противная девчонка» может быть как девочкой, так и мальчиком. Занимается кибербуллингом ради развлечения, связанного с испугом и унижением других. «Неумышленные преследователи» включаются в кибербуллинг по инерции вслед за полученными негативными сообщениями о ком-то, часто в результате косвенной травли, в которую их вовлекают как свидетелей и соучастников [1, с. 184].

Роль наблюдателя является весьма специфической. Наблюдатели составляют самую большую ролевую группу. Данная ролевая позиция выступает незримым двигателем в акте кибербуллинга [8, с. 122], так как обычно сами наблюдатели не воспринимают себя как участников происходящего. Согласно Н.Ю. Федуниной, наблюдатель может реагировать тремя основными способами: оставаться вне конфликта, поддерживать агрессора или защитить жертву. В ситуации поддержки преследователя он становится более агрессивным. Когда наблюдатель принимает сторону жертвы, статус и действия агрессора ставятся под сомнения и преследователь прекращает акт кибербуллинга [8, с. 122; 11, с. 687]. Как отметил Прайс, на поведение наблюдателя влияют индивидуальные особенности личности, в частности, уровень морального развития. Феномен квазиприсутствия, свойственный виртуальной среде, способствует повышению уровня морального отстранения. Помимо индивидуальных факторов, особую роль в поведении наблюдателя играют контекстные факторы, среди которых степень тяжести инцидента и другие свидетели [8, с. 122].

Таким образом, при изучении феномена кибербуллинга мы остановимся на триадической ролевой модели участников кибербуллинга, что позволит рассмотреть данное явление под другим ракурсом. Систематизация имеющихся данных показывает, что исследователи, занимающиеся изучением данного явления, пока не могут дать полной и четкой картины всего происходящего. В связи с этим представляется актуальным изучение феномена кибербуллинга для точного разъяснения характера, степени такого поведения, а также его причин и последствий.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследовательская работа проводилась на базе средней общеобразовательной школы г. Минска и осуществлялась в три этапа. На первом этапе с целью выявления распространенности феномена кибербуллинга респондентам предлагалась специально разработанная анкета, направленная на выявление учащихся, имевших опыт кибербуллинга, а также на выявление форм киберагрессии и ролевой позиции участников триа-

ды жертва – преследователь – наблюдатель. На втором этапе использовался такой психологический инструментарий: опросник межличностных отношений В. Шутца (адаптация А.А. Рукавишниковой), личностный опросник Мини-мульти (ММРІ), социометрия, карта наблюдения Стотта (для учителя). На третьем этапе проводились фокус-группы.

Общий объем выборки составил 66 испытуемых учащихся в возрасте 11–15 лет. Из них 22 ученика (33%) и 44 ученицы (67%). Согласно проведенному исследованию, все 66 учащихся были активными пользователями в социальных сетях. Гендерный аспект не учитывался в связи с немногочисленным количеством выборки.

В итоге проведения исследования было выявлено следующее.

1. Из всех опрошенных подростков 65% сталкивались с феноменом кибербуллинга. Из них в роли жертвы выступили 15%, в роли агрессора – 5%, в роли наблюдателя – 8%; сразу во всех трех ролевых позициях (жертва – агрессор – наблюдатель) успели побывать 11% учащихся, в сочетании ролей жертва – агрессор – 11%, жертва – наблюдатель – 8% и в роли агрессор – наблюдатель – 9% учащихся. 34% учеников не имели опыта кибербуллинга.

2. Наиболее часто подростки подвергаются следующим типам кибербуллинга: распространение клеветы и одной из разновидностей данной формы – «онлайн слэмбуки», где подростки публикуют неприятные и агрессивные комментарии. Этот тип кибербуллинга практически в равной степени распространен среди учеников и учениц. Затем следует остракизм – исключение из сообщества. Третьей формой кибербуллинга по популярности среди подростков является выдача себя за другого. Преследователь, используя чужой пароль, с аккаунтов жертвы и как бы от ее лица рассылает негативную, жестокую или неадекватную информацию ее знакомым.

3. Социометрический тест выявил, что группу лидеров «социометрическая звезда» составляет 3% от общего количества учащихся, группу «принятые» – 42%, «непринятые» – 41% и группу «изолированные» – 14%. Все учащиеся, входящие в группу «изолированные», и большая часть входящих в группу «непринятые» сталкивались с опытом кибербуллинга, причем в таких ролевых позициях, как агрессор – жертва и агрессор – наблюдатель.

4. По результатам опросника межличностных отношений В. Шутца наблюдается тенденция высоких показателей по такой шкале, как «включение», у учащихся, входящих в статусную группу «изолированные». Данный показатель свидетельствует о потребности индивида в общении с другими людьми. Однако испытуемые необходимого общения не получают в учебном коллективе, что ведет к возникновению фрустрации. Данный факт дает нам возможность сделать вывод о том, что, благодаря кибербуллингу, такие учащиеся получают то внимание и коммуникацию, которой им не хватает.

5. Рассылку негативных сообщений (15% учащихся) объясняли тем, что «это забавно, ради шутки», или тем, что отправляли такого рода сообщения из-за личной неприязни (для 7% учащихся такое общение входит в норму и они не считают его проблемой).

6. В итоге корреляционного анализа установлена взаимосвязь опыта кибербуллинга с такими шкалами, как психопатия и гипотания. Таким образом, учащиеся, склонные к кибербуллингу, имеют такие особенности личности, как агрессивность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами и ценностями, активность, деятельность и коммуникативность.

Результаты исследования убедительно показывают, что кибербуллинг является масштабной проблемой, а именно, каждый второй ребенок сталкивается с агрессивной коммуникацией в социальных сетях и ее негативными последствиями. Однако несмотря на то что коммуникация в социальных сетях с каждым годом набирает все большую популярность среди подростков.

Подростки, участвующие в кибербуллинге, как показало исследование, могут быть в разных ролевых позициях, переходя из роли, например, агрессора в роль жертвы или наблюдателя и наоборот. Основной особенностью агрессора является стремление к власти и самоутверждению за счет других. Жертвами являются подростки, не способные постоять за себя или обладающие какими-то особенностями. Полученные данные подтверждают тот факт, что жертвы кибербуллинга преследуются «вживую» в школе по разным причинам. К еще одной немаловажной группе относятся наблюдатели. Все «зрители» кибербуллинга, даже если не вмешиваются и не реагируют на акт киберагрессии, испытывают большое психологическое давление в связи с тем, что сами боятся стать жертвами. Полученные данные позволяют говорить об изменении характера общения у подростков XXI в.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование доказывает факт распространенности кибербуллинга как формы проявления агрессии среди современных подростков. Кибербуллинг имеет различные степени выраженности: от минимальной (игриво-шуточных проявлений) до максимальной (виртуального психологического террора).

Перспективным является дальнейшее изучение данного феномена путем рассмотрения индивидуальных особенностей личности, в частности, уровня ее морального развития, поскольку феномен квазиприсутствия, свойственный виртуальной среде, способствует повышению уровня морального отстранения.

Полученные данные позволяют наметить структуру превентивной программы, направленной на предотвращение феномена кибербуллинга, включающей в себя повышение осознанности подростков в понимании уважительных отношений между пользователями социальных сетей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2014. – № 3. – С. 177–191.
2. Cyberbulluig: It's nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith [et al.] // J. Child Psychol. Psychiatry. – 2008. – № 49. – P. 376–385.
3. Grigg, D. W. Cyber-agression: definition and concept of cyberbullying / D. W. Grigg // Aust. J. Guid. Couns. – 2010. – № 2. – P. 143–156.
4. Белковец, О. С. Феномен кибербуллинга среди подростков в социальных сетях / О. С. Белковец // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2016. – № 2. – С. 46–49.
5. Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 122–128.
6. Sticca, F. Is cyberbullying worse than traditional bullying? / F. Sticca, S. Perren // J. Youth Adolesc. – 2013. – № 42. – P. 739–750.
7. Ybarra, O. On-line social interactions and executive functions / O. Ybarra, P. Winikelman // Frontiers in Human Neuroscience. – 2012. – № 6. – P. 1–6.
8. Федунина, Н. Ю. Представление о триаде «Преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе / Н. Ю. Федунина // Психол. исследования. – 2015. – № 41. – С. 115–123.
9. Зинцова, А. С. Влияние кибербуллинга на личность подростка [Электронный ресурс] / А. С. Зинцова // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте и образовании. – Режим доступа: [https://www. Sworld.com.ualindex.php/ru/conferen](https://www.Sworld.com.ualindex.php/ru/conferen)

ce/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/june-2013. – Дата доступа: 15.04.2014.

10. Bauman, S. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students / S. Bauman, R. B. Toomey, J. L. Walker // J. Adolesc. – 2013. – № 36. – P. 341–350.

11. Bonanno, R. A. Cyberbullying and internalizing difficulties: above and beyond the impact of traditional forms of bullying / R. A. Bonanno, S. Hymel // J. Youth Adolesc. – 2013. – № 42. – P. 685–697.

12. Патчин, Дж. В. Результаты исследования кибербуллинга. Кибербуллинг и суицид / Дж. Патчин, С. Хидуя // Диалог. – 2015. – № 9. – С. 8–11.

13. Mishna, F. On going and online: Children and youth's perceptions of cyber bullying / F. Mishna, M. Saini, S. Solomon // Child Youth Serv. Rev. – 2009. – № 31. – P. 1222–1228.

14. Gamez-Guadix, M. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use and problematic internet use among adolescents / M. Gamez-Guadix [et al.] // J. Adolesc. Health. – 2013. – № 53. – P. 446–452.

15. Баранов, А. А. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – Т. 25, вып. 1. – С. 37–39.

16. Патчин, Дж. В. Кибербуллинг среди подростков: результаты эмпирического исследования / Дж. Патчин, С. Хидуя ; пер. О. С. Белковец // Диалог. – 2016. – № 4. – С. 70–72.

17. Dehue, F. Cyberbullying: youngsters experiences and parental perception / F. Dehue, C. Bolman, T. Vollink // J. Cyber Psychology and Behavior. – 2008. – № 11. – P. 217–223.

18. Kwan, G. C. E. Facebook bullying: an extension of battles in school / G. C. E. Kwan, M. M. Skoric // Comput. Hum. Behav. – 2013. – № 29. – P. 16–25.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.04.2017

Cherkasenko O.S. Cyberbullying as a Cultural Phenomenon in the Teenage World

The widespread involvement of adolescents in social networks in the absence of relevant communication ethics skills actualizes the problem of cyberbullying. The article presents a theoretical analysis of various approaches to understanding cyberbullying and its components. The author's definition of this phenomenon is substantiated. The results of an empirical study of the prevalence of cyberbullying and the personality characteristics of adolescent participants are discussed. The obtained data can be useful in developing a preventive program aimed at preventing the phenomenon of cyberbullying.